

Научная статья
УДК 811.1/.8
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-153
EDN: XPRBCJ

Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra

Михаил Александрович Кравченко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2
mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Аннотация. В работе изучается актуальная для современной лингвистики проблема соотношения понятий метатекста и модуса. В ней представлены сложившиеся в настоящий момент точки зрения по данной проблеме. В качестве доминантной выделяется точка зрения, в соответствии с которой метатекст трактуется как одна из модусных категорий. Её сторонники опираются на онтологические, функционально-семантические и формально-грамматические признаки модуса и метатекста, сближающие названные явления. Однако автор считает необходимым обосновать альтернативную позицию. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что метатекст не укладывается в объем понятия модусной категории. На это указывает целый ряд факторов. Во-первых, в статье приводятся случаи инструментальности метатекста по отношению к модусу, то есть в целом ряде контекстов метатекст проявляет себя не как отдельная модусная категория, а как специальное средство выражения модуса. Во-вторых, модус и метатекст противостоят друг другу по признаку референциальной отнесенности конструкций: первый характеризуется внешней референцией, второй – внутренней. В-третьих, конструкции метатекста выступают не только в позиции модуса, но способны заполнять пространство диктума. Возвращаясь к вопросу о сущности метатекста, автор предлагает видеть в нем реализацию интерпретативного потенциала естественного метаязыка, описывающего код в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики. Под семантикой метаязыка понимается интерпретация и описание языковых знаков (их последовательностей). Синтактика метаязыка призвана интерпретировать отношения между знаками (последовательностями знаков) в синтагматической цепи. Наконец, в прагматическом измерении метаязыка фиксируются результаты рефлексии над отношениями между коммуникантами и знаками.

Ключевые слова: модус; модусная категория; метатекст; метаязык; внутренняя референция; внешняя референция; семиотика

Для цитирования: Кравченко М. А. Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 153–161. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-153>. <https://elibrary.ru/XPRBCJ>

Original article

Metatext as a modus category: arguments pro et contra

Mikhail A. Kravchenko

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of mass communications and applied linguistics, Rostov state transport university. 344038, Rostov-on-Don, pl. Rostovsky Strelkovy Polk Narodnogo Opolcheniya, 2
mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Abstract. This paper studies the problem of correlation between the concepts of metatext and modus, which is topical for modern linguistics. It presents the current views on this problem. The dominant viewpoint is that metatext is viewed as one of the modus categories. Its supporters rely on ontological, functional-semantic and formal-grammatical characteristics of modus and metatext, which bring these phenomena closer to each other. However, the author finds it necessary to justify an alternative position. The conducted analysis leads to the conclusion that metatext does not fit into the scope of the modus category. A number of factors indicate this. First, the article presents some cases of instrumentality of metatext in relation to modus, i.e. in a number of contexts metatext does not manifest itself as a

particular modus category, but as a special means of expressing modus. Second, modus and metatext oppose each other on the basis of referentiality of constructions: the former is characterized by external reference, the latter by internal reference. Third, metatext constructions act not only in the position of modus, but are also capable of filling the dictum space. Turning to the question of the metatext nature, the author proposes to see in it the realization of a natural meta-language interpretive potential, describing the code within the framework of semiotic dimensions of semantics, syntactics and pragmatics. The semantics of a meta-language implies interpretation and description of linguistic signs (their sequences). The syntactics of a meta-language is intended to interpret relations between signs (sequences of signs) in a syntagmatic chain. Finally, the pragmatic dimension of meta-language registers the results of reflection on the relations between communicants and signs.

Key words: modus; modus category; metatext; meta-language; internal reference; external reference; semiotics

For citation: Kravchenko M. A. Metatext as a modus category: arguments pro et contra. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(2):153–161. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-153>. <https://elibrary.ru/XPRBCJ>

Введение

Современная лингвистика обладает статусом многопредметной теории, использующей в своих целях широкий спектр исследовательских подходов и инструментов. Однако даже в текущих условиях «лингвистического плюрализма» наблюдается концентрация познавательных усилий ученых вокруг наиболее актуальных и перспективных научных тем. К числу последних относятся проблемы описания феномена метатекста, а также установления перечня и функционально-семантических особенностей модусных категорий, реализующихся в процессе речевой деятельности.

Термин «метатекст» впервые был использован в знаменитой работе польского исследователя А. Вежбицкой «Метатекст в тексте», вышедшей в свет и переведенной на многие языки мира в 70-е годы XX века [Вежбицка, 1978]. Выделение метатекста в качестве особого лингвистического явления стало результатом системных наблюдений над гетерогенными компонентами в структуре текста. Не предложив развернутой дефиниции понятия (это в дальнейшем способствовало многообразию его трактовок и последующей многозначности), А. Вежбицка отмечала, что метатекст манифестируется внутри текста, в котором высказывания о предмете зачастую переплетаются нитями высказываний о самом высказывании. Тем самым метатекстовые нити развиваются параллельно с «основным» текстом [Вежбицка, 1978, с. 404].

Сегодня под метатекстом в лингвистике принято понимать определенное структурно-семантическое образование, ориентированное на осмысление, пояснение и описание языкового кода, используемого в процессе порождения текстов различного происхождения и назначения. Интерес к феномену метатекста сохраняется на

протяжении уже нескольких десятков лет как в отечественном [Ростова, 2000; Перфильева, 2006; Гилева, 2009; Иванников, 2017; Кузнецова, 2021; Золотухин, 2022], так и зарубежном языкознании [Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004; Witosz, 2017; Czoska, 2018; Kačerauskas, Mickūnas, 2020].

Следует отметить, что понятие метатекста зачастую рассматривается в русле более широкой проблематики языкового (речевого) модуса. Заимствовав у средневековых схоластов понятия диктума и модуса, знаменитый французский ученый Ш. Балли создал учение о двухчастном строении высказывания. Условно его первая часть, называемая «диктумом», включает в себя денотативный контур или пропозицию высказывания; вторая – определяемая термином «модус» – фиксирует отношение говорящего к сказанному и тем самым содержит пропозициональную установку высказывания. Причем именно модус (модальность) Ш. Балли считал «душой предложения», которая «образуется ... в результате активной операции говорящего субъекта» [Балли, 1955, с. 44]. Во избежание двусмысленности и терминологической путаницы оговоримся, что в настоящей работе мы сознательно предпочитаем термин «модус» термину «модальность», основываясь на широко разделяемой среди лингвистов позиции Т. В. Шмелевой, согласно которой она трактует модус как более широкую категорию, закрепляя за модальностью значение грамматикализованной части модуса [Шмелева, 2008, с. 142–143]. Тем самым термин «модальность» востребован скорее в области грамматики, а термин «модус» задействован при изучении семантического измерения языка.

В конкретных высказываниях модусная и диктумная части, как правило, не противостоят друг другу (более того, само определение их границ иногда оказывается весьма затруднительно),

а взаимодействуют для раскрытия целостного смысла речевого отрезка. При этом основная функция модуса сводится к тому, чтобы «воплотить отношение субъекта к диктуму, придать ему необходимую эпистемическую определенность» [Рябцева, 2005, с. 484]. Последние достижения лингвистической науки позволяют утверждать, что «модус» представляет собой родовое понятие, чье содержание формируется видовыми функционально-семантическими категориями, образующими пучок пересекающихся смыслов, в центре которых находится говорящий субъект. Так, к числу модусных категорий принято относить авторизацию, персуазивность, эвиденциальность, искренность, осторожность и целый ряд иных категорий.

Смещение в последние десятилетия фокуса исследовательского внимания от «малых» с сторону «крупных» синтаксических форм способствовало формированию теоретической базы для восприятия модуса как текстовой категории. Приоритетное развитие получило изучение модусных смыслов на уровне текста [Перфильева, 2006; Гричин, 2010; Копытов, 2012]. Пространство реализации модуса и метатекста смыкается, а в некоторых случаях пересекается, ставя перед лингвистами важный вопрос о соотношении указанных феноменов. Очевидно, что модусные категории и метатекст близки по своей природе и образуют ряд гомогенных явлений. Их онтологической основой выступает действие рефлексивного механизма сознания. Они представляют собой яркий пример проявления в сообщении субъектного начала.

Актуальность исследования проблемы соотношения модуса и метатекста определяется, по нашему мнению, двумя основными факторами. Первый из них продиктован влиянием глубокой теоретической традиции антропоцентризма, в соответствии с которой приоритет в исследовании отдается материалу, демонстрирующему присутствие «человека в языке». Изучение порожденных метаязыковой рефлексией субъектных компонентов речи (текста), безусловно, лежит в русле названной традиции. Второй фактор обусловлен сохранением полемичности в вопросе о принадлежности метатекста к ряду модусных категорий.

Цель данной работы заключается в осмыслении и описании соотношения понятий метатекста и модуса. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач, формирующих последовательность

этапов исследования: 1) обобщить точки зрения на проблему соотношения метатекста и модуса; 2) представить критическую оценку аргументно-доказательной базы установленных точек зрения; 3) обосновать авторскую позицию в отношении природы метатекста и возможности трактовки последнего в качестве модусной категории.

Методология и языковой материал отвечают специфике решаемых в работе задач. В исследовании используется комплекс общетеоретических и эмпирических методов, обеспечивающий точность и полноту получаемых результатов. Изучение теоретического наследия, относящегося к анализируемой проблематике, осуществлялось при помощи нарративного метода, предполагающего использование приемов осмысления, интерпретации и классификации теоретических положений, высказанных в соответствующих научных трудах. Анализ эмпирических данных производился при помощи описательного метода, оперирующего приемами наблюдения, интерпретации и типологизации. В качестве единиц анализа привлекались отрезки текста, в которых манифестировались метатекстовые структуры или близкие им по содержанию модусные категории. Данный языковой материал отбирался из тестов художественных произведений современной русской литературы (количественный состав корпуса примеров превысил 2000 единиц). В отдельных случаях нами также использовалась база данных Национального корпуса русского языка.

Проблема соотношения понятий «модус» и «метатекст»: подходы к решению

В результате проведенного анализа авторитетных лингвистических источников по исследуемой проблематике удалось установить, что в настоящий момент существует две научно обоснованные точки зрения на соотношение понятий модуса и метатекста. Доминирующей следует считать точку зрения, в которой «модус» трактуется как родовое понятие, а «метатекст» определяется как одна из многочисленных модусных категорий. Таким образом, понятия «модуса» и «метатекста» находятся в гиперогипонимических отношениях. В частности, подобная позиция высказывалась в работах Н. К. Рябцевой [Рябцева, 2005, с. 380–381], Н. П. Перфильевой [Перфильева, 2006, с. 48–50], Т. В. Шмелевой [Шмелева, 2008, с. 7], А. В. Кузнецовой [Kuznetsova, 2013, с. 1452]. Особо отметим тот факт, что Н. П. Перфильева относит метатекст к числу обязательных модусных категорий

[Перфильева, 2006, с. 50], а Т. В. Шмелева свое представление о сущности модуса характеризует как «речесцентрическое» в том смысле, что его ядро составляют так называемые метакатегории, отражающие рефлексии говорящих по поводу собственной речевой деятельности [Шмелева, 2008, с. 145].

Альтернативная позиция в рассматриваемом вопросе отличается меньшей категоричностью по поводу подчиненности и инклюзивности метатекста по отношению к модусу. Несмотря на признак эгоцентричности, конститутивный для обоих феноменов, модус и метатекст не подводят под одну категорию. Сторонники данной позиции, разделяя представленное выше мнение об онтологической близости изучаемых явлений, все же не «растворяют» метатекст в модусе. За метатекстом сохраняется статус лингвистически уникального феномена. Так, в семантической типологии модусных категорий, разработанной Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999, с. 411–440], метатекст как отдельная категория не представлен ни в одном из выделенных макротипов: перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный и волитивный модусы. Е. В. Падучева предлагает разграничивать метатекстовые показатели (в частности, маркеры чужой речи) и показатели эвиденциальности или эпистемической модальности [Падучева, 2011]. Примеры эксплицитного и имплицитного разграничения понятий модуса и метатекста в лингвистических трудах можно расширить. Однако ввиду ограниченности объема статьи считаем целесообразным перейти к анализу аргументно-доказательной базы обозначенных точек зрения.

Необходимо отметить, что взгляд на метатекст как одну из модусных категорий в основном опирается на теоретические аргументы. Альтернативная точка зрения базируется скорее на эмпирическом подходе, который позволяет увидеть и оценить все разнообразие метатекстовых конструкций, далеко не всегда укладываемых в стройную таксономию модусных категорий.

Анализ аргументно-доказательной базы подходов

Для начала рассмотрим предпосылки, способствующие определению метатекста как модусной категории. Все их разнообразие считаем возможным свести к трем базовым факторам. Первый из них назовем онтологическим. Он ос-

нован на гомогенности изучаемых явлений. Мы уже упоминали о том, что модус и метатекст являются отражением субъективного компонента в языке (тексте), который транслирует позицию продуцента. Оба феномена представляют собой результаты рефлексии над диктумом. Кроме того, модус и метатекст имеют еще один сближающий их онтологический признак. Они не обладают синтаксической самостоятельностью, вплетены в речевую континуум и манифестируются исключительно в пространстве высказывания или текста. В концепции Ш. Балли модус не замещает высказывание целиком, а является лишь его частью. Аналогичная ситуация наблюдается с выделением категории метатекста. Лингвисты признают, что метатекст «существует только в тексте и не может быть автономным: изъятый из текста, он становится непонятным, рассыпается на отдельные дискретные единицы» [Перфильева, 2006, с. 40]. Зависимость от текста выступает в качестве онтологического признака метатекста [Kuznetsova, 2013, с. 1450].

Второй фактор определяется нами как функционально-семантический. Сближение понятий модуса и метатекста происходит ввиду схожести функций, выполняемых данными явлениями. Они передают различные виды субъективной квалификации сообщаемого, формирующие содержание самого модуса: эмоциональную или истинностную оценку переданных фактов; уверенность / неуверенность продуцента в сказанном; способ получения или интерпретации представленной информации; связь излагаемого с волевыми интенциями адресанта и многие другие. Метатекст, с позиций сторонников рассматриваемой точки зрения, трактуется как своеобразный речевой модус, содержательная специфика которого представлена в виде разноаспектной оценки адресатом собственного речевого поведения.

Третий фактор обозначен нами как формально-грамматический. Он опирается на формальные показатели модусных категорий и метатекста. В большинстве случаев реализация модуса и метатекста маркируется при помощи разного рода модальных слов и частиц. В этом отношении показательной является классификация модальных слов русского языка, предложенная академиком В. В. Виноградовым в рамках концепции грамматического учения о слове [Виноградов, 1986, с. 603–607]. Из двенадцати выделенных В. В. Виноградовым разрядов модальных слов пять (первый, второй, третий, шестой и седь-

мой – в соответствии с установленным автором порядком представления разрядов) напрямую связаны с выполнением функций метаоператоров: они передают оценку речи, указывают на способ или стиль изложения, обозначают характер речевой экспрессии, а также устанавливают связи между отрезками речевой цепи. Тем самым единообразие формы выражения метатекста и модуса экстраполируется на содержание и категориальные свойства этих явлений.

Перейдем к рассмотрению аргументно-доказательной базы альтернативной точки зрения на проблему соотношения понятий модуса и метатекста, в соответствии с которой указанные явления, несмотря на их онтологическую, функционально-семантическую и формально-грамматическую близость, обладают дистинктивными признаками. Заметим, что наша собственная оценка соотношения изучаемых понятий соответствует содержательным контурам именно этой теоретической позиции.

Существенное расширение эмпирической базы анализа единиц метатекста, обусловленное в том числе увеличением объемов национальных корпусов, а также распространением в последние годы в лингвистической среде принципов датацентризма, обеспечило возможность установления значительного количества контекстов употребления метатекстовых конструкций, выходящих за традиционные рамки модуса. В связи с этим вновь обострился вопрос о статусе метатекста среди модусных категорий. Взгляд на метатекст как на часть модуса, порождает целый ряд нестыковок и противоречий, которые подлежат специальному рассмотрению.

Во-первых, дискуссионным остается вопрос о том, наделен ли метатекст в пространстве модуса признаками объекта или инструмента. Иными словами, существуют основания считать метатекст не отдельной модусной категорией, а специальным средством выражения модуса. Действительно, конструкции ментального модуса, модуса истинностной оценки, модуса авторизации зачастую содержат метатекстовые компоненты. При этом возникает дилемма: нужно либо относить названные случаи к явлениям модусного синкретизма, либо признавать за метатекстом инструментальные функции. Выбор в пользу второго варианта оказывается практически очевиден, если обратиться к отрезкам текста, образованным на пересечении модуса иронии и метатекста. Ирония представляет собой содержательно аморфную категорию, лишенную регулярных

лексико-семантических средств выражения. Поэтому именно метатексту отводится роль актуализатора вербальной иронии (несколько по-иному данная мысль была сформулирована А. В. Кузнецовой, отмечавшей, что «ирония организует метатекст, детерминируя компоненты лингвориторического сценария текста» [Kuznetsova, 2013, с. 1450]). Проиллюстрируем высказанное положение следующими примерами: – *Что ж, давайте освежем вашего «Трубача»! – Освежим? – поправил Кокотов. – Ну, это уж как получится* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»); *У них забрало всегда открыто – все, что можно, они уже забрали* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.»). В них модус иронии передается средствами языковой игры (в первом примере игра реализуется через паронимическую аттракцию в глагольной паре *освежить / освежевать*; во втором примере паронимическая аттракция «усилена» народной этимологией в паре слов *забрало / забрать*), сформированной в результате действия механизма метаязыковой рефлексии. Тем самым языковая игра является разновидностью метатекста. Установленный факт инструментальности метатекста по отношению к модусу свидетельствует, по нашему мнению, о том, что исследуемые категории лежат в разных понятийных плоскостях.

Второе противоречие относится к области референциальной отнесенности конструкций модуса и метатекста. В изучаемых явлениях содержится оценка разной действительности: в модусных категориях – внешнего мира, в метатексте – самого языкового кода. Тем самым модус нацелен на внешнюю референцию, а метатекст – на внутреннюю. С целью подтверждения тезиса обратимся к примерам. Для наглядности проанализируем те из них, в которых наблюдается потенциально тесное переплетение содержания модуса и метатекста. Таковыми мы считаем конструкции с семантикой авторизации и истинностной оценки. Начнем с первых. Авторизационный метатекст маркирует элементы кода сквозь призму дихотомии «свое / чужое». При этом в высказывании принадлежность слова (слов) может быть как определено: *... я чувствую себя, как говорит Озеров, «витазем ледовой арены»* («Совдетство 3. Узник пятого волнореза»); так и не определено: *Но ведь знаешь, как говорят: не доходят только те письма, которых не пишут* (М. Шишкин «Письмовник»). В приведенных выше примерах метатекст апеллирует собственноручно к языковому коду, точнее к конкретным его элементам.

Модус авторизации, напротив, отсылает к действительности, лежащий за пределами знаков. В высказывании устанавливается авторство не на уровне слов, а на уровне смыслов, относящихся к внеязыковой действительности. Модус авторизации не буквально воспроизводит сказанное, а всего лишь передает общее содержание (даже несмотря на то, что он может вводиться с помощью метаоператоров *по словам..., по предложению..., согласно ...* и др.): *По словам Марычевой, пострадавший внезапно выскочил на проезжую часть, поэтому водитель не смог избежать столкновения* (Национальный корпус русского языка – далее «НКРЯ»); *По мнению Сергея Кирюшкина, технического директора Санкт-Петербургской компании «Удостоверяющий центр», лидируют «Крипто-Про» и «Верба»* (НКРЯ).

Обратная картина имеет место в конструкциях со значением истинностной оценки. В них не наблюдается «конкуренции» модуса и метатекста. Сказанное всегда интерпретируется не с позиций особенностей кода, а с позиций отношения его содержания к действительности. Внешняя референция высказывания сигнализирует о том, что в нем транслируются модусные смыслы: *Честно говоря, я не верил, что у этой истории будет какое-то продолжение* (НКРЯ); *По правде сказать, я давно уже не пишу песен* (НКРЯ). Таким образом, дифференциация конструкций модуса и метатекста может быть проведена по оси их референциальной отнесенности: внешней – для модуса, внутренней – для метатекста.

Наконец, третьим существенным препятствием в рассмотрении метатекста в качестве модусной категории выступает многообразие контекстов его употребления. Эмпирический материал свидетельствует о том, что функции метатекста не исчерпываются передачей модусных смыслов. Нередко метатекстовые конструкции обнаруживаются в пространстве диктума. Иногда целые фрагменты текста содержат не отдельные субъектные (субъективные) оценки элементов кода, а представляют собой разноаспектную интерпретацию знаков. Слова о коде, о языке образуют пропозициональную часть (диктум) следующих высказываний: *Предполагают, что слово врач происходит от слова врати – заговаривать. Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово. Слово как таковое – что бы оно не означало. Ввиду ограниченного набора медикаментов роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас*

(Е. Водолазкин «Лавр»); *Посреди сачка довлел Бодуэн. Он довлел во всех смыслах этого слова: и в правильных, и в неправильных. Ему довелось самого себя, но при этом он любил доветь над другими, и вокруг него стояли почтительной толпой студенты, аспиранты и молодые преподаватели, благоговейно внимая его довлению* (А. Варламов «Душа моя Павел»).

Считаем, что приведенные аргументы убедительно свидетельствуют в пользу преодоления одностороннего взгляда на метатекст как на одну из модусных категорий. С одной стороны, нами не ставится под сомнение тот факт, что понятия модуса и метатекста пересекаются, и в содержательном плане явления имеют много общего; с другой стороны, необходимо констатировать, что различия между ними носят весьма существенный характер. Вместе с тем отказ видеть в метатексте исключительно модусную категорию оставляет вопрос о природе данного явления открытым. Ниже мы кратко изложим собственную позицию относительно природы метатекста.

Вариативность конструкций метатекста в аспекте семиотических измерений метаязыка

Метатекст представляет собой воплощение в тексте (дискурсе) потенциала естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации, который вслед за Р. Якобсоном принято называть его метаязыковой функцией. Язык, будучи гибкой системой, задействовав механизм внутренней референции, способен трансформироваться в метаязык. Последний стоит рассматривать не как языковую надстройку, но как сложный феномен, обладающий набором специфических функций [Кравченко, 2024а] и конститутивных характеристик (свойств) [Кравченко, 2024б]. Структурное и содержательное разнообразие метатекстовых конструкций объясняется, на наш взгляд, тем, что в них реализуется широкий спектр значений и функций, соответствующих трем семиотическим измерениям метаязыка. На первый взгляд, принимая во внимание консубстанциональность языка и метаязыка, наличие у последнего собственной семиотики, семиотики вне языка, вызывает сомнения. Однако в семиотике метаязыка мы видим не традиционную семиотику объекта, а семиотику интерпретации объекта.

Так, семантикой метаязыка мы называем интерпретацию и описание языковых знаков (их последовательностей). При этом рефлексии и интерпретации может подвергаться как форма

знака: *Очень радовала меня буква «ы», встречающаяся в названиях магазинов «Продукты», «Соки. Воды», «Сигареты» (М. Елизаров «Библиотекарь»); ...Глеб осознал, что смерть не просто прекращала прекрасную жизнь: она делала бессмысленным уже прожитое и достигнутое. Бес-смыс-лен-ным: целых три с, плюс к тому два е, два ы, два н и два м – даже такое богатое слово в конечном счете уходило в небытие (Е. Водолазкин «Брисбен»); так и его значение: ... за могилами ухаживали рыцари из фирмария – орденового приюта для стариков и увечных (А. Иванов «Тени тевтонов»); А потом узнал, что перешел в разряд «козлов» - так называли эзков, согласившихся сотрудничать с лагерным начальством (М. Елизаров «Библиотекарь»).*

Синтактика метаязыка определяется как измерение, целью которого выступает интерпретация отношений между знаками (последовательностями знаков), расположенными в синтагматической цепи. При этом в метатекстовых конструкциях фиксируются отношения между компонентами высказывания (отношения (квази)тождества, причины, следствия, вывода и многие др.): *Лиза наверняка застряла у витрин с сувенирами и побрякушками. А я хотел, чтобы она сама посидела над меню, выбрала, отвергла что-то и снова выбрала, короче – вступила в контакт с окружающим миром ... (Д. Рубина «Синдром Петрушки»); По тому, как он оглядывал наш кабинет, по его вопросам о наших делах и скептической улыбочке, я понял, что сегодня нам придется применить все наше актерское мастерство, если у него есть реальное предложение. Включить снисходительное понимание и легкое хамство. Иначе Никитос ни за что не поверит, что мы еще на плаву. Одним словом, я решил играть ва-банк (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens»).*

Наконец, прагматика метаязыка фиксирует результаты рефлексии над отношениями между коммуникантами и знаками. Содержание метатекстовых конструкций, относящихся к прагматике метаязыка, зависит от набора личностных и социокультурных факторов, которые определяют отношение говорящего к используемым знакам. В частности, метатекстовое оформление получают метапрагматические стратегии авторизации кода: *Здесь Исидор использует выражение солдата срочной службы: она его не дождалась (Е. Водолазкин «Чагин»); стратегии социокультурной локализации кода: Я хочу не просто координации, но выработки, как теперь говорят*

креатива (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens»); стратегии эвфемизации / дисфемизации: Вместе с тем, уже тогда меня удручало, что язык этих книг был несколько – как бы аккуратнее выразиться? – суховат ... (Е. Водолазкин «Чагин»); Поздавляю, большая честь для выпускницы – так вот, пережить из-за такого, простите, в сущности, говна никакого здоровья не хватит (М. Степнова «Женщины Лазаря»).

Заключение

Переходя к подведению итогов, отметим, что проблематика, связанная с изучением явлений модуса и метатекста, лежит на пересечении интересов лингвистики языка и лингвистики речи, что предопределяет междисциплинарность и комплексность исследовательских подходов в данной области. Единство онтологического субстрата метатекста и модуса – рефлексивной деятельности сознания Говорящего – породило идею об их лингвистической идентичности. В научной среде сформировалась позиция, в соответствии с которой метатекст представляет собой одну из модусных категорий, то есть является разновидностью модуса. Сторонники этой точки зрения, аргументируя свою позицию, апеллируют к онтологическим, функционально-семантическим и формально-грамматическим признакам изучаемых явлений. Однако в настоящей работе было установлено, что в лингвистической науке существует альтернативный взгляд на вопрос соотношения понятий модуса и метатекста. В соответствии с ним многоаспектные проявления метатекста не укладываются в объем понятия модусной категории. На это указывают следующие факты: способность метатекста выступать в качестве средств выражения целого ряда модусных категорий (то есть факт инструментальности метатекста по отношению к модусу); различия в референциальной отнесенности (для модуса характерны контексты с внешней референцией, для метатекста – с внутренней); способность метатекста выступать в позиции диктума.

В метатексте предлагается видеть результат реализации метаязыковой функции языка, операционным центром которой является метаязыковое сознание Говорящего. Переход от внешней референции к внутренней обеспечивается трансформацией языка в метаязык. Разнообразие метатекстовых конструкций соответствует многоаспектности проявлений метаязыка, интерпрети-

рующего и описывающего единицы языкового кода в проекциях измерений семантики, синтактики и прагматики.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. I-XV, 896 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Вежбица А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Москва : «Прогресс», 1978. С. 402–424.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1986. 640 с.
5. Гилева А. А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Известия ВГПУ. 2009. № 10. С. 26–32.
6. Гричин С. В. О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 175–182.
7. Золотухин Д. С. Язык-объект vs язык-инструмент: релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 1. С. 31–37.
8. Иванников Е. Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 337–347.
9. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск : Изд-во Хабаровского гос. института искусств и культуры, 2012. 248 с.
10. Кравченко М. А. Метаязык в зеркале его функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024а. Т. 23. № 2. С. 172–184.
11. Кравченко М. А. Свойства естественного неспециализированного метаязыка // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2024б. № 3 (82). С. 88–98.
12. Кузнецова А. В. Семиозис метатекста в художественной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 278–281.
13. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 3. С. 13–19.
14. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск : НГПУ, 2006. 285 с.
15. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. 194 с.
16. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. Москва : Academia, 2005. 640 с.
17. Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград : БФУ им. Иммануила Канта, 2008. С. 140–151.
18. Czoska A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts // Cognitive studies, 2018, Issue 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/329846587_The_usage_and_meaning_of_mentioned_wspomniany_and_described_opisany_metatext_markers_in_Polish_scientific_texts (дата обращения: 16.12.24)
19. Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. Metalinguage: social and ideological perspectiveS. The Hague : Walter de Gruyter, 2004. 324 p.
20. Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Metalinguage, and Communication // In Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Numanties. Arts and Humanities in Progress. Vol 14. Springer. Cham, 2020. P. 127–157.
21. Kuznetsova A. V. Metatext Phenomenon: Mode of Irony in Reflexive-Interpretative Space // European Researcher. 2013. Vol. 50. №5-3. P. 1449–1453.
22. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne. Forum of LinguisticS. 2017. № 4. P. 107–112.

Reference list

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. I-XV, 896 s.
2. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and French language issueS. Moskva : Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.
3. Vezhbicka A. Metatekst v tekste = Metatext in the text // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta. Moskva : «Progress», 1978. S. 402–424.
4. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (Grammaticcheskoe uchenie o slove) = The Russian language (Grammatical doctrine of the word). Moskva : Vysshaja shkola, 1986. 640 s.
5. Gileva A. A. Aspekty izuchenija metateksta v lingvistike = Linguistic aspects of metatext studying // Izvestija VGPU, 2009, №10. S. 26–32.
6. Grichin S. V. O kategorial'noj sushhnosti avtorizacii = On the categorial essence of authorization // Sibirskij filologicheskij zhurnal, 2010, № 2. S. 175–182.
7. Zolotuhin D. S. Jazyk-ob#ekt vs jazyk-instrument: relevantnost' ponjatij metajazyka i metadiskursa v lingvisticheskikh issledovaniyah = Language-object vs language-instrument: relevance of the concepts metalinguage and meta-discourse in linguistic research // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2022. № 1. S. 31–37.
8. Ivannikov E. B. Jazykovaja refleksija: ot metateksta k refleksivu = Linguistic reflection: from metatext to reflexivity // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2017. № 1. S. 337–347.
9. Kopytov O. N. Modus na prostranstve teksta = Modus on the space of text. Habarovsk : Izd-vo Habarovskogo gos. instituta iskusstv i kul'tury, 2012. 248 s.

10. Kravchenko M. A. Metajazyk v zerkale ego funkcij = Meta-language in the mirror of its functions // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2024a. T. 23. № 2. S. 172–184.
11. Kravchenko M. A. Svoystva estestvennogo nespecializirovannogo metajazyka = Characteristics of a natural non-specialized meta-language // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2024b. № 3 (82). S. 88–98.
12. Kuznecova A. V. Semiozis metateksta v hudozhestvennoj kommunikacii = Metatext semiosis in artistic communication // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. T. 10. № 2 (35). S. 278–281.
13. Paduceva E. V. Pokazateli chuzhoj rechi: mol i deskat' = Indicators of other people's speech: mol and deskat' // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2011. T. 70. № 3. S. 13–19.
14. Perfil'eva N. P. Metatekst v aspekte tekstovyh kategorij = Metatext in the context of textual categories. Novosibirsk : NGPU, 2006. 285 s.
15. Rostova A. N. Metatekst kak forma jeksplikacii metajazykovogo soznanija (na materiale russkih govorov Sibiri) = Metatext as a form of explicating the meta-linguistic consciousness (based on the Russian colloquialisms of Siberia). Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 2000. 194 s.
16. Rjabceva N. K. Jazyk i estestvennyj intellekt = Language and natural intelligence. Moskva : Academia, 2005. 640 s.
17. Shmeleva T. V. Modal'nost' i modus = Modality and modus // Modal'nost' v jazyke i rechi: novye podhody k izucheniju. Kaliningrad : BFU im. Immanuila Kanta, 2008. S. 140–151.
18. Czoska A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts // Sognitive studies, 2018, Issue 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/329846587_The_usage_and_meaning_of_mentioned_wspomniany_and_described_opisany_metatext_markers_in_Polish_scientific_texts (data obrashhenija: 16.12.24)
19. Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. Meta-language: social and ideological perspectiveS. The Hague : Walter de Gruyter, 2004. 324 p.
20. Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Meta-language, and Communication // In Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Numanties. Arts and Humanities in Progress. Vol 14. Springer. Cham, 2020. P. 127–157.
21. Kuznetsova A. V. Metatext Phenomenon: Mode of Irony in Reflexive-Interpretative Space // European Researcher. 2013. Vol. 50. №5-3. P. 1449–1453.
22. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne. Forum of Linguistics. 2017. № 4. P. 107–112.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 23.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025